

Т.Ю. Пынина

Пресса эпохи Кадара

**Москва
Издательство Нобель Пресс**

УДК 81
ББК 81
Т11

Научный редактор — д.ф.н., профессор В.В. Барабаш

Т11 **Т.Ю. Пынина**
Пресса эпохи Кадара / Т.Ю. Пынина – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: Издательство Нобель Пресс, 2013. – 412 с.

ISBN 978-5-458-67397-6

Эта книга о том, что было в Венгрии в «эпоху Кадара», складывалась постепенно – в записках, рукописях, интервью, архивных документах и машинописных текстах – в Будапеште и Москве. Написанная в жанре научной публицистики, она посвящена венгерской прессе, ее информационному влиянию и по-своему уникальной ситуации в социалистической Венгрии, начиная с введения реформы экономики и заканчивая сменой политической модели общества в ВНР, что стало катализатором процесса распада соцлагеря. Автор книги, профессиональный журналист и исследователь венгерской прессы, вводит читателей в журналистское измерение венгерских реалий. Особое внимание уделяется газете «Мадьяр хирлап», созданной по личной инициативе Яноша Кадара. Политические, экономические и социальные условия в стране автор стремился отразить через призму деятельности ее прессы. Также эта книга – дань уважения и любви к Венгрии, ее истории, самобытным традициям и культуре, которые, очевидно, не сотрет универсальная цивилизация.

ISBN 978-5-458-67397-6

© Издательство Нобель Пресс, 2013
© Т.Ю. Пынина, 2013

Предисловие

Наверное, было бы правильнее, если бы это предисловие написал человек из научной среды или маститый газетчик – более осведомленный и авторитетный. Мое же право высказаться о предлагаемой работе ограничивается знанием (в определенных пределах) венгерской действительности, уважением к этой замечательной стране, ее народу, ее традициям. Ну и, конечно же, немаловажно то, что с автором книги Татьяной Пыниной нас связывает многолетняя совместная журналистская работа. Мне интересны и близки ее творческие искания, всегда отмеченные глубинным подходом к теме, оригинальностью изложения. Итак, эпоха Яноша Кадара.

Венгрия... «Венгерские события»... 1956 год. Такой ассоциативный ряд невольно выстраивался в сознании немалой части наших граждан при упоминании о благодатной стране, где есть дивное озеро Балатон, уютные винные погребки, чудодейственные целебные источники, а главное – красивейшая столица Будапешт, разделенная Дунаем на две непохожие части. Всплывало и остроумно-дерзкое определение: «самый веселый барак в социалистическом лагере...» Поверхностность суждений наших дорогих соотечественников вряд ли заслуживает осуждения: обыкновенным людям, попросту говоря обывателям, не свойственно углубленное постижение маленькой страны. Да и не только обывателям. Вспоминаю свой отъезд в Венгрию в июле 1984 года «в долгосрочную заграникомандировку в качестве заведующего Отделение Советского телевидения и радио». Как водится, в ЦК КПСС меня напутствовали-просвещали. Основной напор был на то, ка-

кое опасно большое социальное расслоение имеет место в ВНР, как настораживает активность частного сектора. И все. Зато в ВЦСПС шустрый функционер, принявший на хранение мой профсоюзный билет, эмоционально воскликнул: «Венгрия? Знаю. Бывал много раз. Там – форинты (ударение на последнем слоге)». А ведь в это время в Венгрию ехали, и в большом количестве, наши лучшие специалисты: строилась уникальная АЭС в г. Пакше, круто разворачивалось к прогрессу электронное предприятие «Видеотон», рождались поразительные достижения в области сельского хозяйства (знаменитая Баболна!) В Будапештский университет ехали учиться сотни и сотни студентов из всех республик Союза. Было, было! И обо всем этот много писалось в газетах, говорилось в радио и телепередачах. Роковой 1956-ой вроде бы отошел в дымчатое прошлое: презренная контрреволюция, дикие кровавые бесчинства оголтелых врагов социализма, кто же этому посочувствует. Но с середины 80-х годов началось «шевеление», а затем и все более заметное брожение умов в сторону переоценки тех самых «событий». Я видел, как в октябре – ноябре 1986 года десятка полтора съемочных групп из капстран, откомандированных в Будапешт, готовы были оперативно осветить что-нибудь «волнующее» (в смысле народных волнений) в связи с 30-летием событий 1956 года. Нет, ничего тогда не произошло.

Зато в 1988-89 годах, когда «плотина» стала размываться, слабесть, съемочных групп иностранных компаний было уже более 30-ти. На улицах и площадях Будапешта вольно раскинули свои антенны телепередающие станции, всюду мелькали десятки камер, репортерских микрофонов. Венгрия становилась центром притяжения всемирного интереса. Ее история делала крутой раз-

ворот: переосмысленная контрреволюция обрела черты «народного восстания». Назревали и реализовывались решительные сдвиги в общественно-политическом и государственном устройстве. Так завершалась эпоха Кадара, начавшаяся в том драматическом (даже трагическом) 1956 году, и весьма успешно продержавшаяся более трех десятилетий.

Об этой эпохе, а конкретно – о венгерской прессе, освещавшей все самое значительное, важное – масштабная работа Татьяны Пыниной, с которой знакомился я с острым интересом, сопоставляя обширный фактический материал и комментарий автора с собственными наблюдениями, впечатлениями, знаниями. Получился некий «стереоскопический эффект», многое стало яснее, рельефнее, достовернее. И дело не только в завидной фактографической широкоохватности. Ключ – в аналитическом, доказательном истолковании изучаемой эпохи. Через прессу, через газету «Мадьяр Хирлап», которая – как зеркало происходящего. Зеркало – не всегда точное, безупречное, но, что ценно, живое, плоть от плоти венгерской жизни. Именно скрупулезный анализ делает эту работу явлением научным, а не, скажем, публицистическим. При этом биография автора, не просто изучившего перипетии венгерской действительности, но, можно сказать «вросшего» в эту действительность, располагает к более широкому взгляду на эпоху Кадара. Татьяна Пынина (знаю это по совместной работе) обладает хорошим пером, тяготеет к образной, художественной трактовке того, о чем берется рассказать. Здесь я открыл для себя «другую» Т. Пынину – куда более строгую в письме, отдающую предпочтение углубленному исследованию материала. Материала весьма специфического. Но, чем дальше раскручивается канва по-

вестования, тем больше чувствуешь: тут не только «разбор полетов» конкретного издания («Мадьяр Хирлап»), но и само время, его драматизм. И в этом своем аспекте работа интересна и полезна не только «узким спецам», а довольно широкой аудитории.

В своей работе Татьяна Пынина с самых первых страниц начинает писать портрет Яноша Кадара, прослеживая, как на протяжении длительного периода в истории Венгрии (1956 – 1988 гг.) выковывалась, находила выход из сложных коллизий личность этого лидера нации, которого венгры частенько сравнивали с Францем Иосифом. «И того, и другого население в принципе приняло, хотя и не без оговорок. И тот, и другой сумели добиться социально-политической стабильности в обществе и, хотя ограниченного, но вполне конкретного материального благосостояния подданных». Это высказывание современного венгерского историка Ласло Контлера, приведенное в работе, Т. Пыниной – по сути очень сжатая, но исчерпывающая характеристика достижений Яноша Кадара. Заметим, что многочисленные ссылки автора на венгерские источники и особенно – выдержки из собственных интервью с заметными фигурами прессы, политическими, государственными деятелями, придают работе особую ценность. Как принято считать, у каждого «своя правда». Опираясь свидетельствами этих очень разных людей, Т. Пынина ищет путь к самому главному – к достоверности. И находит его. Автор вскрывает, раскладывая по винтику, по детальке замысловатый механизм движения страны к тому критическому отрезку времени, когда перед лицом экономического кризиса правящая команда уже ни-

чего не могла сделать и шаг за шагом вынуждена была уступать стратегические высоты новым политическим силам. В этом смысле вторая глава наиболее содержательна и выразительна. Запоминаются емкие характеристики главных действующих лиц тех тревожных дней – Кароя Гроса, Яноша Береца, Имре Пожгаи. Именно он 30 января 1989 г., будучи государственным министром, выступил с неожиданно новой трактовкой событий осени 1956 года, охарактеризовав их, как «народное восстание». Это было, как подчеркивает автор, «подобно разорвавшейся бомбе». Дальнейшие дискуссии, «поджигательные» речи, а то и вылазки противников режима становились постоянным «фоном» повседневной венгерской жизни. Сам был свидетелем того, как беснующаяся толпа блокировала здание нашего посольства – с горящими факелами, издевательскими плакатами, зловещими криками. Мы снимали репортаж об этом событии, а наши коллеги из программы «Время» не представляли, как «подать» этот материал: никто еще не был готов к столь грозному повороту.

Москва не знала, как трактовать и другое, куда более серьезное событие – перезахоронение останков Имре Надя 16 июня того же 1989 года. Мой коллега и товарищ Эдуард Сагалаев, ставший к этому моменту главным редактором службы информации ЦТ (программы «Время») позвонил мне и честно сказал, что не представляет, как, под каким «соусом» подавать это советским зрителям. М.Н. Ненашев, тогдашний председатель Гостелерадио СССР, сказал: «пусть все решает наш корреспондент в Будапеште, ему виднее». ... Руки у меня были развязаны, это позволило выдать в эфир «произведение» хронометражем 4 минуты 20 секунд, то есть вдвое-втрое превышавшее принятые стандарты. Именно этот

простор позволил более внятно, подробно разъяснить, почему площадь Героев и прилегающие к ней улицы запружены морем народа, какое настроение (отнюдь не единодушное) пронизывает в этот день души венгров, как переплелись в этом более, чем потрясающем, эмоциональном действе скорбь народа по погибшим по ту и другую стороны баррикад, явная политическая «режиссура» всего происходящего (об этом очень точно пишет Т. Пынина) и, наконец, народная мудрость, сдержавшая опасную реваншистскую волну.

Тем же летом происходила еще одна траурная церемония – прощание с Яношем Кадаром. Потрясающие кадры, отосланные нами в Москву, воочию, предельно выразительно, демонстрировали отношение огромных масс людей к выдающемуся политику, настоящему лидеру нации. А также – к венгерскому социализму, который далеко не всеми был обруган, принес вместе с оказавшимися неразрешимыми проблемами немало позитивных сдвигов в жизни страны. На этот счет снова находим выверенные характеристики в обзореваемой работе. И еще несколько слов о похоронах Яноша Кадара. Из СССР прибыла делегация во главе с Е.К. Лигачевым, на тот момент вторым человеком в верхушке КПСС. И его речь на церемонии прощания, и особенно – его интервью для программы «Время» (он, как обычно, рвался к микрофону) свидетельствовали о том, что Москва то ли не совсем в курсе происходящего, то ли не может выработать новую линию в отношениях с братской страной, вступившей в свою «венгерскую перестройку». Выход на венгерском языке еженедельника «Московские новости», глашатая и двигателя самых смелых перестроечных идей и перемен в Советском Союзе вызвал колоссальный ин-

терес. Помню, какой ажиотаж царил на пресс-конференции главного редактора Егора Яковлева, прилетевшего в Будапешт из Лондона, где он тоже презентовал свое «бунтарское» (с точки зрения Егора Лигачева) издание. Венгерская пресса, почуяв ветер грядущих революционных изменений, все больше поддерживая оппозиционные силы, радикализировалась. «Мы видим, что в определенном смысле венгерская печать подготовила переход к многопартийности», – пишет автор. А затем, добавлю – и к созданию новой модели венгерской государственности. Этому, можно сказать, «звездному» этапу новой венгерской истории посвящены десятки страниц работы, в которой, пожалуй, впервые дана столь полная, аналитически выверенная картина жизни венгерской прессы и, в первую очередь, – менявшая свое лицо, своих кураторов и владельцев газета «Мадьяр Хирлап». Т. Пынина пишет: «Смена модели или революция произошли совершенно мирно. Но не тихо: СМИ сыграли в этом процессе едва ли не ключевую роль. Сама же Венгрия сыграла роль катализатора, ускорившего распад всего социалистического лагеря».

В этом утверждении большая доля правды: находясь в гуще событий, сам видел, понимал: Венгрия – поначалу незаметно, а затем смелее и смелее позволила выйти на арену антисоциалистическим силам, заигрывала с НАТО (первым это сделал министр иностранных дел Дьюла Хорн), искала связи с ЕЭС, как отца родного встречала Буша-старшего (от его визита ждали многих благ, да все впустую). В то же время довольно бесцеремонно выпроваживались наши войска (Южная группа войск).

С другой стороны, я был свидетелем того, как неумело, грубо, порой беспардонно вели себя наши руководители, отвечавшие за сплоченность содружества, за советско-венгерские отношения (дружбу!). Часто имел место поверхностный, свысока, взгляд на то, что происходит в братской стране. Даже такому «архитектору» советской перестройки, как А.Н. Яковлеву, посетившему Венгрию, не хватило политической мудрости поглубже вникнуть в узел сложных венгерских проблем. Вместо этого – «умные» помпезные речи, шумные выезды. Кстати, при эскортировании сановного лица во время его поездки в Эстергом – к епископу, погиб юный мотоциклист, и эта новость стала для прессы и публики более заметной, чем переговоры.

Куда более скандальным итогом обернулся визит в Венгрию секретаря ЦК КПСС Г.Г. Романова. На глазах большой команды журналистов, сопровождавших его поездку в город Секешфехервар, «куратор» из Москвы буквально пытал директора «Видеотона», почему венгры не делают «телескопы» (имелись в виду кинескопы для телевизоров). Вежливый собеседник терпеливо, подробно просвещал высокого гостя, кто чем в соцсодружестве занимается, как устроена в СЭВе кооперация. Отличился Романов своей некомпетентностью и в беседе с Яношем Кадаром, транслировавшейся по телевидению. Не вполне протрезвевший гость, отбывая на родину, не знал, что сразу по прибытии в Москву он будет снят с должности и отправлен на пенсию. Авторитет Кадара, позвонившего Горбачеву, был непрекращаем.

После этих примеров возвращусь к тезису автора о том, что Венгрия сыграла роль катализатора в процессе распада социали-